

Минерва МакГонагалл, директор школы чародейства и волшебства Хогвартс, взглянула на календарь на стене своего кабинета и вздохнула. Это было во вторник, 16 июня, и прошло пять дней с тех пор, как опрометчивая шутка Джинни Уизли привела к таким эффективным неприятным последствиям с такими серьезными последствиями для всех. Это была чрезвычайно сложная неделя.

Первой задачей было провести и Гермиону, и Гарри через их последнюю трансформацию лунного месяца. Горацій тщательно приготовил еще одну порцию волчьего зелья, и оно оказалось эффективным для мисс Грейнджер; ее трансформация прошла без происшествий, поскольку она смогла сохранить контроль над своими способностями. Мистеру Поттеру не так повезло.

Поскольку Гарри не принимал зелье за неделю до полнолуния, его трансформация была более... интуитивной. Он «позаимствовал» обычную камеру Гермионы, так как она считалась менее опасной из-за зелья, и поэтому она могла использовать более обычную комнату. Гарри, с другой стороны, принял на себя всю тяжесть изменений и потребовал дополнительных мер безопасности.

Минерва еще раз обдумала события той ночи; она не могла думать ни о чем другом. Гарри принял свою судьбу с тихим стоицизмом, что ее очень нервировало. Если он и чувствовал какой-то страх, или стыд, или даже обиду на свою судьбу, он предпринимал осторожные шаги, чтобы не показывать этого. Он вошел в камеру, позволил заковать себя в кандалы и тихо попросил Минерву уйти после того, как его связали. На следующее утро, когда она вернулась, чтобы отпустить его, она обнаружила то же бесстрастное выражение лица, без малейшего намека на то, что он перенес на его лице. Она подозревала, что он делает это, чтобы успокоить мисс Грейнджер, но не была уверена, что это действительно так.

Если быть честной с собой, его отсутствие реакции ее очень беспокоило.

Однако на самом деле ее беспокоила мисс Грейнджер. Юная гриффиндорка полностью ушла в себя, и даже усилия мистера Поттера или мистера Уизли не помогли. Она хранила молчание во время своей последней трансформации, и когда на следующее утро взошло солнце, она настояла на том, чтобы вернуться в новый дом своих родителей. К сожалению, она уехала до того, как мистер Поттер смог поговорить с ней, и настоящая проблема заключалась в том, что никто не знал, где находится новая резиденция Грейнджеров. Гермиона фактически исчезла с карты.

Минерва вспомнила боль на лице Гарри, когда он обнаружил, что Гермиона ушла. Это был первый настоящий признак эмоций, который он проявил, хотя и не прокомментировал это. Отсутствие немедленного ответа, возможно, было связано с реакцией мистера Уизли, который не замедлил выразить свой гнев.

— Что значит, она ушла! Она никогда мне ничего не говорила! Зачем ей уходить?

Минерва смотрела на него зловещим взглядом, недоумевая, как кто-то может быть таким

тупым. — Я имею в виду именно то, что сказал, мистер Уизли. Мисс Грейнджер вернулась в новый дом своих родителей. К сожалению, я пока не знаю, где это находится, хотя я предприму необходимые шаги, чтобы выяснить это. А пока вам стоит держать себя в руках и помнить, что это было очень тяжело для всех, и не в последнюю очередь для вашего друга!

— Она не имела права уйти! — горячо воскликнул Рон. «Я не могу поверить, что она может быть такой эгоистичной! Я не могу поверить...»

Минерва поморщилась, вспомнив тот момент; вспомнил реакцию мистера Поттера. Оглядываясь назад, она теперь знала, что он все сдерживал и, наконец, был сбит с толку разглагольствованиями своего друга.

« Заткнись, Рон, — кипел он. 'Просто заткнись! Не смей критиковать Гермиону. Не. Ты. Смело. Последние три слова Гарри прошипел так, словно говорил на парселтанге. — Ты не можешь ругать ее при мне. Вы, конечно, не можете назвать ее эгоистичной. Сделаешь это еще раз и ответишь передо мной.

На несколько мгновений она подумала, что он собирается напасть на мистера Уизли, но как только эта мысль сформировалась у нее в голове, Гарри резко развернулся и ушел. Когда она увидела выражение лица мистера Уизли, то поняла, что он был так же потрясен этой вспышкой. Она просто коротко кивнула рыжеволосой, прежде чем уйти, зная, что больше ничего не нужно говорить.

Затем она решила переждать пару дней, надеясь, что ситуация разрешится сама собой. Но так как мисс Грейнджер не сказала ни слова, а мистер Поттер и мистер Уизли не разговаривали друг с другом, она наконец решила действовать.

Первым делом она послала Гермионе сову с письмом. Не зная своего точного адреса, она подозревала, что магическая защита в новом доме будет минимальной, если вообще будет, поэтому была уверена, что одна из почтовых сов Хогвартса сможет ее найти. Ее письмо было кратким и содержало то, что, по сути, было призывом к мисс Грейнджер явиться к ней. Имея определенные опасения по поводу такого подхода из-за очень независимого характера Гермионы, она разыграла свою козырную карту. Она выразила свою очень серьезную озабоченность по поводу мистера Поттера, заявив, что ей нужен совет, полагая, что если такая просьба не вернет Гермиону обратно в Хогвартс, то ничего не вернет.

Ее подход был оправдан, когда она получила ответ от Гермионы, соглашающейся вернуться для встречи с ней.

Ожидая ответа, она также сказала Гарри крепкие слова, указав, что предстоит принять очень много важных решений и выполнить задачи, которые сильно повлияют на его будущее. Она насильно заявила, что трата времени на жалость к себе не заставит эти решения и задачи уйти. Ей, наконец, удалось вывести его из ступора, указав, что будущее мисс Грейнджер тоже поставлено на карту, и чем скорее он придет в себя, тем лучше для нее тоже.

Это помогло. Он тоже согласился на встречу с ней. Чего не знали ни мисс Грейнджер, ни мистер Поттер, так это того, что другой тоже будет присутствовать. Хотя она чувствовала себя свахой, принимая такой подход, она также знала, что ее действия были необходимы. Ситуация не могла продолжаться так, как она продолжалась.

Минерва взглянула вверх, когда почувствовала, что портал открылся, и лестница в ее кабинет начала подниматься. Она улыбнулась про себя, зная, что это будет Гарри, и откинулась на спинку стула, чтобы создать впечатление, что она полностью расслаблена, хотя чувствовала себя натянутой, как пружина. Она слегка вздрогнула, когда услышала стук в дверь своего кабинета.

— Входите, — сказала она тепло, ее голос был настолько приветливым, насколько позволял шотландский акцент. — А, мистер Поттер. Рад тебя видеть. Пожалуйста, присаживайтесь, — добавила она, указывая на удобное на вид кресло рядом со своим столом, одно из пары, стоявших лицом к ней. Она наблюдала за Гарри, как он и велел, заметив черные морщинки под его глазами и его особенно взъерошенный вид — даже для него самого — который свидетельствовал как о недостатке сна, так и об отсутствии заботы. — Не хотите ли чаю?

— Да, пожалуйста, — ответил Гарри, хотя у Минервы сложилось впечатление, что он просто из вежливости и на самом деле не хотел чашку. Она призвала свой чайный сервиз и поставила чайник, молоко и сахар на стол перед собой. Затем она поставила три чайные чашки, аккуратно расставленные в изящных блюдцах из костяного фарфора.

Гарри потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, но когда он заметил три чашки, вопросительно поднял бровь и попытался заговорить. Минерва спрятала ухмылку и продолжила наливать чай, а Гарри был прерван, прежде чем он успел что-либо сказать, внезапно вспыхнувшим огнем в очаге и некой мисс Грейнджер, вышедшей из зеленого пламени, воспользовавшись камином в заранее оговоренное время. Минерва закончила разливать чай и поставила чайник, как будто ничего не произошло.

'Привет, дорогой. Мы с Гарри как раз пили чай. Не хотите ли?' — спросила она неискренне.

Со своей стороны, Гарри вскочил со стула в тот момент, когда появился его лучший друг, испуганное выражение на его лице постепенно сменилось широкой улыбкой.

— Гермиона! — воскликнул он, и никто из тех, кто его слышал, не мог не заметить эмоции в его голосе. — Рад тебя видеть, Гермиона, — мягко добавил он. 'Я скучал по тебе.' Он внимательно посмотрел на нее, заметив мешки под глазами, что ее волосы были более неприрученными, чем обычно, и что она выглядела невероятно усталой. Но он все равно был счастлив больше, чем мог бы сказать, увидев ее.

Гермиона на мгновение замерла, ее усталые глаза расширились от удивления, и Гарри понял, что его присутствие было для нее такой же неожиданностью, как и ее для него. Он смотрел, как она повернулась к Минерве с обвиняющим выражением лица. Последняя лишь улыбнулась

и предложила чашку чая, как будто ей было все равно. Через несколько мгновений Гермиона закрыла глаза в гримасе, прежде чем покачать головой, на ее губах медленно появилась легкая улыбка. Смирившись со своей судьбой, она открыла глаза, взяла чашку и села на стул рядом с Гарри.

Гарри не знал, что делать, пока стоял, глядя на своего друга. Последние несколько дней были трудными для него, поскольку он изо всех сил пытался справиться со своим состоянием и беспокойством за Гермиону. Он не особо сердился на нее ни за то, что заразила его, ни за то, что она ушла. Во всяком случае, ему было немного обидно, что она ушла, не поговорив с ним, но он мог понять причины ее поступка. На самом деле он беспокоился о ее психическом здоровье, поскольку знал, что она была на грани. Он только надеялся, что ее родители не усугубили ее бремя. Он вдруг осознал, что все еще стоит и смотрит на своего друга, и, когда его лицо начало краснеть, он быстро встряхнулся, прежде чем занять свое место. Он посмотрел на Минерву, когда она подтолкнула к нему чашку чая, его бровь приподнялась, наполовину вопросительно, наполовину весело.

— Спасибо вам обоим, что пришли, — начала Минерва. «Я прошу прощения за уловку; Мне просто нужно было поговорить с вами обоими вместе. Она помолчала, собираясь с мыслями. «Честно говоря, мне нужно пройтись по стольким вещам, что я даже не знаю, с чего начать». Она начала считать баллы на пальцах. — Нам нужно придумать план, как найти Сивого. Нам нужно решить, будем ли мы сообщать Министерству о том, что произошло, и будем ли мы вовлекать их в поиски. Мы должны подумать о следующем году в Хогвартсе и о том, собираетесь ли вы оба завершить свое образование. Если вы решите этого не делать, мы должны попытаться решить, что вы собираетесь делать и как мы собираемся справиться с вашим состоянием. Нам нужно отремонтировать эту школу и жить дальше, потому что чем скорее мы вернемся к нормальной жизни, тем лучше». Она на мгновение замолчала и сурово посмотрела на каждого из них, заметив растущее мятежное выражение лица Гермионы и ожесточение лица Гарри. Очевидно, ни один из них не был удивлен ее махинациями. Не то чтобы она заботилась.

— Но прежде чем мы что-нибудь предпримем, — продолжила она, — мне нужно, чтобы вы оба поговорили друг с другом и вытащили друг друга из того состояния, в которое вам удалось вляпаться. Я говорю это и как ваш учитель, и как ваш друг; Я беспокоюсь о вас обоих, и то, что вы отключаетесь, никому из вас не принесет пользы. Итак, что я собираюсь сделать сейчас, так это предложить вам обоим прогуляться, чтобы вы могли вместе решить свои проблемы. Она мягко улыбнулась. «Вещи всегда лучше, когда вы двое в согласии. В настоящее время; в замке нет никого, кроме мистера Филча. И мистер, и мисс Уизли пока что вернулись домой, так что идите, пользуйтесь одиночеством и возвращайтесь ко мне, как только разберетесь с собой. Тогда мы можем обсудить другие вопросы. И мы будем их обсуждать».

Она заметила, что ни Гарри, ни Гермиона не шевелились, оба явно не хотели делать первый шаг и оба старательно избегали смотреть друг на друга. 'Идти!' — закричала Минерва, махая руками в сторону двери. 'Продолжать; Убирайся! Возвращайся, когда разберешься, — громко добавила она в последний раз. Это вывело Гермиону и Гарри из их непримиримых поз, и они оба осторожно поднялись на ноги и медленно направились к двери. Только когда она тихо закрылась за ними, Минерва позволила себе легкую улыбку.

Гермиона молча шла рядом с Гарри, пока они шли к главным дверям замка. Когда они спускались по лестнице из кабинета профессора МакГонагалл, Гарри тихо предложил прогуляться снаружи, потому что день был такой хороший. Это были единственные слова, которые они произнесли с тех пор, как директриса уволила их.

Гермиона знала, что должна злиться на своего наставника, но не могла найти в себе силы затаить обиду. В данный момент она была просто эмоционально истощена, и у нее не было энергии, чтобы тратить ее на то, чтобы злиться на кого-то. Она подозревала, что Минерва, вероятно, знала об этом и была причиной того, что она провернула этот маленький трюк, но она также не могла вызвать никакого негодования по этому маленькому факту. Итак, с чувством фатализма она тихо и осторожно шла рядом с Гарри, пока они шли по коридорам Хогвартса. Она не думала, что этот разговор закончится хорошо, и немного нервничала, подозревая, что передает эти нервы Гарри. Интересно, что она вообще не получала от него никаких эмоций, несмотря на свои новые способности. Она подозревала, что то, что он что-то скрывает от нее, не предвещало ничего хорошего. Либо это, либо собственные эмоциональные переживания воздействовали на ее чувства.

Она вспомнила очень неудобное время, проведенное в новом доме ее родителей. Она обнаружила, что еще не может назвать это домом; она просто не чувствовала себя там как дома. Она приняла решение поехать туда не из желания увидеть своих родителей, которые, как она знала, были еще далеки от нее; но из-за простой потребности отправиться куда угодно, только не в Хогвартс.

Везде, где ей не придется встречаться с Гарри.

Сначала она смогла принять то, что произошло. Гарри был просто потрясающим для нее после того, как она прокляла его, и тот факт, что он, казалось, не питал к ней недоброжелательности, чудесным образом исцелил ее сломленную душу. Она знала, что его чувства были искренними, так как она чувствовала его заботу и искренность, несмотря на его холодную внешность, поэтому она смогла справиться с тем, кем она стала и что она сделала со своим другом.

По крайней мере, до той ночи.

Когда профессор Слагхорн вошел в гостиную Гриффиндора со свежей порцией аконитового зелья для нее, она почувствовала огромное облегчение и выпила вонючее зелье с чувством, которое почти можно было описать как счастливое. Только когда она закончила и поняла, что для Гарри нет кубка, до нее дошла полная реальность. Поскольку он не принимал зелье за неделю до полнолуния, оно не сработало для него, и она знала лучше, чем кто-либо последствия этого факта. Гарри пытался пошутить над этим — даже попытался отпустить слабую шутку, но она увидела страх в его глазах; чувствовал его отчаяние и тревогу. Его ждала ночь пыток, и это была полностью ее вина.

Именно в этот момент она поняла, что должна уйти. Она просто не могла столкнуться со своим другом, зная, что она была ответственна за причинение ему такой боли, поэтому она поспешно упаковала свою сумку до захода солнца, а затем пошла готовиться к переменам. На следующее утро, как только Минерва выпустила ее из комнаты, она просто схватила свою сумку и ушла в

новый дом своих родителей, несмотря на то, что в лучшем случае ее встретили бы прохладно. Трагедия ее жизни на данный момент заключалась в том, что ей совершенно некуда было идти.

Она нашла в этом своего рода утешение. Ее мама сразу поняла, что что-то серьезно не так, и сделала все возможное, чтобы утешить ее, пытаясь заставить ее открыться, но никакие мягкие уговоры не заставят ее рассказать, что произошло. Вместо этого она удалилась в свою комнату, смутно довольная тем, что ее родители решили создать для нее комнату в новом доме. Она восприняла это как знак того, что они еще могут простить ее и действительно хотят, чтобы она была в их жизни. Она также чувствовала их беспокойство, и это давало ей некоторое утешение.

Не то чтобы она заслуживала их прощения или заботы. Она знала, что было очень мало людей, которых она могла бы назвать искренне любимыми и сказать, что они любили их в ответ. В последнее время казалось, что она делала все возможное, чтобы навредить некоторым из этих людей. За три дня после того, как она покинула Хогвартс, она много думала о тех, кого любила, и выводы, сделанные из этих размышлений, ей не нравились.

Она навредила своим родителям, наложив на них пагубное заклинание, не спрашивая их. Независимо от причины, она забрала у них свободу выбора и перевернула их жизнь с ног на голову. Их воспоминания никогда не будут полностью неповрежденными, и, подумав об этом простом факте, она пришла к выводу, что это действительно непростительно. В конце концов она поняла, что все, что у кого-то есть на самом деле, это их воспоминания, и она взяла их у своих родителей, даже не спрашивая их. Она знала, что ее мотивы были основаны на том, чтобы сохранить их в безопасности, но в самые мрачные моменты своей жизни она размышляла о том, как бы она себя чувствовала, если бы кто-то, кого она любила, удалил ее воспоминания, не спрашивая и не объясняя.

Преданный.

Потом был Рон. Она знала, что причинит Рону боль, потому что в последнее время не была с ним до конца честна. Простой факт заключался в том, что со временем она постепенно осознала, что они не подходят друг другу в романтическом плане, но она позволила отношениям продолжаться, несмотря на это знание. Она почувствовала его беспокойство и после укуса Гарри; почувствовала его тревогу — даже его страх перед ней. Хотя это было до некоторой степени понятно, она все же находила это очень обидным, хотя она также знала, что Рон, вероятно, не мог удержаться. Негативные чувства, которые он питал к ней, означали конец их романтических отношений, какими бы они ни были, и она знала, что ей придется причинить ему боль, разорвав их. Его дружба была слишком ценна, чтобы играть с ней, и все же в самые мрачные моменты жизни она задавалась вопросом, не осталась ли она с ним, его девушкой, в качестве самонаказания, потому что в глубине души она знала, что никогда не сможет быть по-настоящему счастлива с ним, и она этого не сделала. Я чувствую, что она заслужила быть счастливой. Рон заслуживал большего. Намного лучше.

Она посмотрела в сторону на мужчину, идущего рядом с ней.

Гарри.

Ее самый дорогой друг и доверенное лицо. За три дня своего добровольного изгнания она больше, чем кто-либо, думала о Гарри и пришла к выводу, что он просто самый важный человек в ее жизни. Она обнаружила, что не может даже правильно определить, что она чувствует по отношению к нему или что он для нее значит. Было слишком просто просто сказать, что она любит его. Эти слова просто не помогли. Она не определяла свои чувства к нему как любовь к брату или сестре; ни любовник; ни даже друга. То, что она чувствовала к нему, было настолько всеобъемлющим, что ни одно из них не казалось адекватным. Она любила его безоговорочно; большая часть того, что ее определяло, было просто помечено как «Гарри», и все.

Итак, тот факт, что она причинила такой вред самому важному человеку в своей жизни, был чем-то, с чем ей было очень трудно справиться. Страх; тревога и боль, которые она почувствовала от него в гостиной, довели ее до предела. До этого момента она думала, что сможет справиться с чувством вины за то, что прокляла его; она никогда в жизни так не ошибалась.

«Вы должны остановить это, вы знаете».

Гермиона чуть не подпрыгнула, вырванная из размышлений мягкими словами Гарри. Оглядевшись, она поняла, что они сейчас за стенами замка и что день выдался прекрасный. Но она не могла смотреть на Гарри; вместо этого она посмотрела себе под ноги, прежде чем ответить.

'Стоп что?' Глупый вопрос, на самом деле.

— Перестань корить себя, — ответил Гарри. — Вы, кажется, забываете, что у меня тоже есть дополнительные чувства. Не то чтобы они мне когда-либо были нужны, чтобы читать вас, — добавил он, подумав. — Я знаю, что ты чувствуешь себя виноватым. Я знаю, что ты винишь себя и ненавидишь себя в данный момент. Но я не знаю; Я не виню тебя и никогда не смогу тебя ненавидеть, Гермиона.

Она знала, что он пытался сделать, и была чрезвычайно благодарна ему за его усилия, но полагала, что это не принесет пользы. — Это не так просто, Гарри, — ответила она через несколько мгновений. «Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вспоминаю, что я сделал с тобой. О том, как сильно я причинил тебе боль.

— И вы думаете, что, избегая меня, вы уменьшаете мою боль? — ответил он, и теперь в его голосе звучала нотка гнева.

'Да! Я имею в виду нет! Боже... я не знаю! Я не знаю, что я имею в виду, — ответила она. — Кажется, я больше ничего не знаю, — тихо добавила она. Она прошла еще несколько шагов, пока не поняла, что Гарри остановился. Она остановилась и повернулась к нему лицом с вопросом на губах.

— Ты что, не понимаешь? — раздраженно спросил Гарри, прежде чем она успела заговорить. — Знаешь, для такого умного человека ты иногда можешь быть очень, очень глупой, Гермиона, — добавил он.

'Какая?' — пробормотала она.

«Как ты можешь хоть на секунду думать, что будешь меньше причинять мне боль, избегая меня?» Он недоверчиво покачал головой. «Я рад, что МакГонагалл вернула тебя сюда, потому что это избавило меня от беспокойства. Я собирался дать тебе еще пару дней, а потом сам собирался тащить сюда твою жалкую задницу! — сердито воскликнул он.

'Да неужели?' — спросила она, ощетинившись. — Ты и чья армия? — добавила она, и в ее ответе больше, чем намек на собственный гнев.

«Мне не нужна армия. Мне просто нужно, чтобы ты увидел причину. Он сделал паузу на мгновение, облизывая губы, прежде чем продолжить. — Что с тобой случилось, Гермиона? — мягко спросил он. «Обычно ты тот, у кого есть здравый смысл».

На это замечание она недоверчиво изогнула брови. 'Что случилось со мной? ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? Ты с ума сошел? Ты пропустил ту часть, где я стал монстром? Где я был проклят? ГДЕ Я ПРОКЛЯЛ САМОГО ГЛАВНОГО ЧЕЛОВЕКА В СВОЕЙ ЖИЗНИ? Вы пропустили эту часть? ТЫ? — добавила она, широко раскрыв глаза, когда разглагольствовала о своей подруге.

Гарри не вздрогнул от адресованной ему тирады. Вместо этого он шагнул к ней и взял ее руку в свою, придвинувшись так близко, что их тела практически соприкоснулись, его глаза встретились с ней, зафиксировав их на месте.

— Именно об этом я и говорю, Гермиона, — начал он. — Почему ты не видишь, что все это не имеет значения? Это не твоя вина, что тебя проклял Сивый. И не твоя вина, что меня прокляли. Говоря это, он практически рычал на нее, и Гермиона не упустила из виду, что, говоря это, он проявлял некоторые из своих волчьих наклонностей. — Ты все еще Гермиона Грейнджер. Ты по-прежнему мой лучший друг! Все остальное просто шум. Разве ты не видишь этого? Разве ты не понимаешь, что единственный способ причинить мне боль — это если ты не захочешь меня видеть? Он крепче сжал ее руку, притягивая еще ближе.

— Почему ты этого не видишь, Гермиона? Если я самый важный человек в твоей жизни, почему ты пытаешься меня бросить? — спросил он тихо, наконец отведя глаза и глядя себе под ноги.

Этот вопрос потряс ее. — Я не... я не могу... я никогда не брошу тебя, Гарри, — наконец сумела она ответить. Какое-то время она пыталась продолжить. — Я просто боюсь. Боюсь того, что это значит для меня. Для нас. Я так привыкла быть сильной, умной, что не знаю, как справиться с тем, что случилось».

— Я знаю, ты боишься. Я чувствую это, — ответил Гарри. «Когда я теряю бдительность, ты тоже должен чувствовать меня, поэтому ты должен знать, что я тоже боюсь. Когда я думаю обо всем этом, мне становится чертовски страшно». Услышав это, сердце Гермионы немного разбилось, но прежде чем она успела снова начать винить себя, Гарри продолжил.

«Дело в том, Гермиона... очень, очень важно, что ты должна понять, это то, что ты мне нужна. Я всегда нуждался в тебе и всегда буду нуждаться в тебе. Я могу справиться со всем, что преподносит мне жизнь — и мы оба знаем, что за эти годы она подбросила мне немало дерьма, — но я могу справиться с любым из них, пока знаю, что ты со мной. Ты — то, ради чего стоит жить, Гермиона. Он отвел взгляд от нее и провел свободной рукой по волосам. «Когда мы сражались с Волдемортом, особенно в прошлом году, были времена, когда я просто хотел, чтобы все это закончилось. Когда я думал о том, чтобы просто бросить. Переворачивается и просто останавливается. Знаете, что заставило меня продолжать? — спросил он, снова быстро поворачиваясь к ней лицом.

Она покачала головой, потерявшись в напряженности его взгляда.

— Ты, — просто добавил он.

'Мне?'

'Да. Ты. Я не мог подвести тебя. Я не мог быть кем-то меньшим, чем человек, которого вы видели, когда смотрели на меня, — объяснил он.

— Но я всегда видел тебя только таким, Гарри. Я никогда ничего от тебя не ждала, — ответила она, более чем немного сбита с толку.

— Точно, — улыбнулся Гарри. — Вот почему я не мог подвести тебя. Ты увидел меня; только я. Не эта чепуха про "Избранных". И все же ты решил остаться со мной все это время. После смерти Сириуса; после Дамблдора, — его голос стал тише. «Даже после того, как Рон ушел, ты остался со мной. Тебе было достаточно просто быть мной. Ты хоть представляешь, что я чувствую при этом? Есть какие-нибудь мысли о том, насколько это делает тебя особенным для меня?

Гермиона почувствовала, как на глазах выступила влага, и покачала головой в ответ на его слова. — Я понятия не имела, — прошептала она. — Я просто был твоим другом, Гарри.

— Вот почему ты особенный. Вот почему я не мог бросить. Я не мог быть меньше, чем друг, которого ты видел, когда смотрел на меня. Итак, теперь вы знаете. Ты чувствуешь во мне правду, Гермиона. Вы всегда могли, но теперь вы знаете наверняка с вашими новыми способностями. Ты мне нужен. Больше, чем кто-либо другой. Что бы ни принесло будущее; что бы ни означало это проклятие для нас обоих; Я знаю, что все будет хорошо, пока ты со мной. Ты то, что заставляет меня хотеть продолжать. Так что никогда не сомневайся в моих чувствах к тебе и, пожалуйста... пожалуйста, никогда не оставляй меня, — добавил он почти шепотом.

Гермиона почувствовала такой прилив любви и привязанности к нему в тот момент и из-за уязвимости, которую он демонстрировал, что она сделала единственное, что имело смысл; она обхватила его руками и держала так, как будто от этого зависела их жизнь. — Прости, что заставила тебя думать, что я когда-нибудь тебя брошу, Гарри, — яростно прошептала она ему на ухо. 'Я никуда не пойду. Я никогда не оставлю тебя.

Они стояли, держась друг за друга в течение, казалось, бесконечного промежутка времени, ни один из них не желал разорвать контакт. Благодаря своим обострившимся чувствам каждый из них смог почувствовать, как тревога другого утихла, поскольку их взаимные попытки успокоить их принесли ощущение покоя им обоим. Каждый с уверенностью знал, что, несмотря на проблемы, которые необходимо решить, и препятствия, которые необходимо преодолеть, нет ничего непреодолимого, пока их связь остается верной. За эти годы он не слишком часто ломался, но оба понимали, что когда он ломался — например, на их шестом курсе — из него никогда не выходило ничего хорошего.

В конце концов, оба почувствовали себя достаточно комфортно, чтобы разорвать объятия, хотя, когда они стояли порознь, Гарри все еще держал ее руку в своей.

— Нам лучше вернуться и увидеть МакГонагалл, — тихо сказал он. 'Она права; нам предстоит принять много трудных решений. Хогвартс в следующем году. Министерство. Сивый...

— Рон, — резко сказала Гермиона.

— Рон?

'Да. Я думал на этой неделе. Много думал. Она увидела, как в его глазах мелькнуло веселье. 'ХОРОШО; думаю намного больше, чем обычно, — добавила она с улыбкой. Затем ее черты потемнели. «Рон и я... мы просто не работаем. Я имею в виду, я люблю его, просто не так, как он хочет. Боюсь, я причиню ему очень сильную боль. Я знаю, что я ему давно нравлюсь. Она посмотрела на свои туфли. — Он мне тоже давно нравился. Думаю, сон был лучше реальности.

'Ты уверен?' — мягко спросил Гарри. — Я имею в виду, это не мое дело, но я думал, что вы счастливы вместе?

— Сначала мы были, Гарри. Когда все было новым и захватывающим. Но мне всегда кажется, что я иду с ним по яичной скорлупе; что мы всегда в одном или двух свободных комментариях от основной строки. Мы вместе всего около шести недель, и мне уже кажется, что я все время работаю над нашими отношениями. Я знаю, моя мама всегда говорила, что успешные отношения требуют усилий, но они не должны требовать их все время, не так ли? Я не хочу так жить. Некоторым парам нравится постоянно ссориться и мириться, но это не для меня. Я ненавижу драться с людьми, которых люблю».

Гарри ничего не сказал; вместо этого он продолжал держать свою подругу за руку, когда она выплескивала все это. Он нежно сжал ее, давая ей понять, что можно продолжать.

«Есть также тот факт, что теперь он боится меня», — добавила она.

'Боюсь?'

Она кивнула головой. 'Да. После того, как я напал на него прошлой ночью. Очевидно, я не мог себя контролировать. На самом деле это был не я, а волк. Но ущерб нанесен. Я чувствую его страх; его беспокойство всякий раз, когда я рядом с ним сейчас. Я не виню его за это; Я чуть не убила его, — с горечью добавила она.

С этими словами плотина прорвалась, и она начала рыдать, ее плечи вздрогнули, когда она попыталась сдержать себя. Гарри тоже почувствовал, как его глаза увлажнились, и он сделал единственное, что мог, чтобы помочь, и снова обнял свою самую дорогую подругу, шепча ей на ухо слова утешения. Через несколько минут она, наконец, успокоилась и глубоко вздохнула, прежде чем вырваться из его объятий.

— Спасибо, Гарри, — сказала она шепотом. 'Мне это было нужно.'

На ее лице внезапно появилось выражение решимости, и она взглянула на свою подругу, на ее губах медленно появилась легкая улыбка.

— Пойдем поговорим с профессором МакГонагалл, — сказала Гермиона с решимостью в голосе. — У нас много дел, Гарри, ты и я; у нас много дел. Кроме того, — добавила она с ухмылкой, — мне очень хотелось чашку чая.

Со своей стороны, Гарри почувствовал, как его сердце расширилось в груди, когда он увидел улыбку и услышал ее шутку, и впервые за много дней он начал чувствовать, как в нем пускает корни надежда. Он улыбнулся в ответ и снова сжал ее руку.

— Мы сделаем это вместе.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539895>